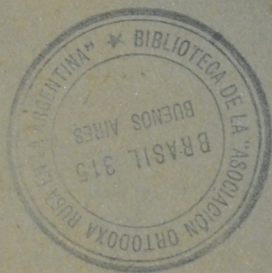

2522

Статьи подлежащаго сборника не претендуютъ ни на исчерпывающую полноту въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, коихъ касаются, ни на единство, въ смыслѣ полной согласованности мнѣній отдѣльныхъ авторовъ: онѣ написаны людьми, въ нѣкоторыхъ вопросахъ думающими по разному. Но есть нѣчто общее имъ всѣмъ, и послѣдующія строки имѣютъ цѣлью установить, къ чему эта общность сводится.

Статьи, входящія въ составъ настоящаго сборника, сложились въ атмосферѣ катастрофическаго міроощущенія. Тотъ отрѣзокъ времени, въ которомъ протекаетъ наша жизнь, начиная отъ возникновенія войны, переживается нами, какъ поворотное, а не только переходное время. Въ совершавшемся и совершающемся мы видимъ не только потрясеніе, но кризисъ, и ожидаемъ отъ наступающаго — глубокаго измѣненія привычнаго облика міра.

Въ катастрофичности происходящаго мы видимъ знаменіе назрѣвающаго, ускоряющагося переселенія и перерожденія культуры. Культура представляется намъ въ постоянномъ движеніи и непрестанномъ обновленіи. Она не медлитъ, сверхъ срока, въ той или иной конкретно-исторической своей осѣдлости. Она не исчерпывается до конца тѣми или иными конкретными достиженіями, не укладывается сполна въ предначертанныя рамки измышленныхъ формулъ. Мы не вѣримъ, чтобы существовали народы, предназначенные навѣки быть избранными носителями культуры; мы отрицаемъ возможность „послѣднихъ словъ“ и окончательныхъ синтезовъ. Исторія не есть для насъ увѣренное

восхождение къ нѣкой доисторически предначертанной абсолютной цѣли, но — свободная и творческая импровизація, каждый моментъ которой исполненъ не какого-либо задуманнаго въ общемъ планѣ, но своего значенія . . .

Культура романогерманской Европы отмѣчена приверженностью къ „мудрости системъ“, стремленіемъ наличное возвести въ неизблемую норму . . . Мы чтимъ прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее мы видимъ въ будущемъ . . . Съ трепетной радостью, съ дрожью боязни предаться опустошающей гордынѣ, — мы чувствуемъ, вмѣстѣ съ Герценомъ, что нынѣ „исторія толкается именно въ наши ворота“. Толкается не для того, чтобы породить какое-либо зоологическое наше „самоопредѣленіе“, — но для того, чтобы въ великомъ подвигѣ труда и свершенія Россія такъ же раскрыла міру нѣкую общечеловѣческую правду, какъ раскрывали ее величайшіе народы прошлаго и настоящаго.

Созерцая происходящее, мы чувствуемъ, что находимся посреди катаклизма, могущаго сравниться съ величайшими потрясеніями, извѣстными въ исторіи, съ основоположными поворотами въ судьбахъ культуры, вродѣ завоеванія Александромъ Македонскимъ Древняго Востока или Великаго Переселенія Народовъ. Такіе повороты не могли и не могутъ совершаться мгновенно. Процессы, приведшіе въ результатъ къ растворенію Древняго Востока въ эллинистическій міръ, получили свое начало еще въ періодъ Великихъ Персидскихъ войнъ. А походъ Кира Младшаго съ 10 тысячами грековъ на Востокъ уже прямо предвосхищаль намѣренія македонскаго завоевателя. Но Киръ Младшій палъ, и Александръ утвердилъ господство эллинской культуры на Востокъ черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти. Мы не знаемъ, какое изъ возстаній Россіи противъ Запада окажется попыткой Кира Младшаго, какое — дѣломъ Александра . . . Но мы знаемъ, что историческая спазма, отдѣляющая одну эпоху міровой исторіи отъ слѣдующей, — уже началась. Мы не сомнѣваемся, что смѣна западно-европейскому міру придетъ съ Востока...

Здѣсь нельзя требовать доказательствъ. И думающіе по иному вправѣ называть насъ безумцами, какъ мы ихъ — слѣпородженными. Для насъ тревожнѣе вглядѣться въ черты того культурнаго переворота, который предносится намъ въ буряхъ и содроганіяхъ современности.

Всякое современное размышленіе о грядущихъ судьбахъ Россіи должно опредѣленнымъ образомъ ориентироваться относительно уже сложившихся въ прошломъ способовъ рѣшенія, или, точнѣе, самой постановки русской проблемы: „славянофильскаго“ или „народническаго“, съ одной стороны, „западническаго“, съ другой. Дѣло здѣсь не въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ теоретическихъ заключеніяхъ или конкретно-историческихъ оцѣнкахъ, а въ субъективно-психологическомъ подходѣ къ проблемѣ. Смотрѣть, вслѣдъ за нѣкоторыми западниками, на Россію, какъ на культурную „провинцію“ Европы, съ запозданіемъ повторяющую ея зады, — въ наши дни возможно лишь для тѣхъ, въ комъ шаблоны мышленія превозмогаютъ власть исторической правды: слишкомъ глубоко и своеобразно врѣзались судьбы Россіи въ міровую жизнь, и многое изъ національно-русскаго получило признаніе романогерманскаго міра. Но утверждая, вслѣдъ за славянофилами, самостоятельную цѣнность русской національной стихіи, воспринимая тонось славянофильскаго отношенія къ Россіи, мы отвергаемъ народническое отождествленіе этой стихіи съ опредѣленными конкретными достиженіями, такъ сказать, формами сложившагося быта. Въ согласіи съ нашимъ исторіософическимъ принципомъ, мы считаемъ, что вообще невозможно опредѣлить разъ на всегда содержаніе будущей русской жизни. Такъ, напримѣръ, мы не раздѣляемъ взгляда народниковъ на общину, какъ на ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежитъ и, согласно народническому воззрѣнію, должно принадлежать экономическое будущее Россіи. Какъ разъ въ области экономической существованіе Россіи окажется, быть можетъ, наиболѣе „западническимъ“. Мы не видимъ въ этомъ никакого противорѣчія возможности и факту настоящей и грядущей культурной своеобразности Россіи. Вѣдь для тѣхъ, кто не принадлежитъ къ числу послѣдователей историческаго матеріализма, культура не есть „надстройка“ надъ экономической базой.

Историческаго индивидуализма мы не сочетаемъ съ экономическимъ коллективизмомъ, какъ это бывало въ прошломъ въ иныхъ теченіяхъ русской мысли (Герценъ), но утверждаемъ творческое значеніе самодержавной личности также и въ области хозяйственной: чѣмъ, какъ намъ кажется, — становимся на точку зрѣнія послѣдовательнаго индивидуализма.

Задачамъ мощнаго экономическаго развитія Россіи не всѣ мы придаемъ одинаковое значеніе. Но никто изъ насъ не

враждебенъ этому развитію, — между тѣмъ, въ народничествѣ, въ его конкретномъ выраженіи, лежала, несомнѣнно, органическая враждебность творческому расцвѣту и разливу русскихъ экономическихъ силъ. Мы совмѣщаемъ славянофильское ощущеніе міровой значительности русской національной стихіи съ западническимъ чувствомъ относительной культурной примитивности Россіи въ области экономической и со стремленіемъ устранить эту примитивность.

Мы не отказываемся опредѣлить, — хотя бы для самихъ себя, — содержаніе той правды, которую Россія, по нашему мнѣнію, раскрываетъ своей революціей. Эта правда есть: отверженіе социализма и утверженіе Церкви.

Мы не имѣемъ другихъ словъ, кромѣ словъ ужаса и отвращенія, для того, чтобы охарактеризовать безчеловѣчность и мерзость большевизма. Но мы признаемъ, что только благодаря безстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующаго, благодаря ихъ дерзанію по размаху неслыханному въ исторіи, — выяснилось и установилось то, что, въ иномъ случаѣ, долгое время оставалось бы неяснымъ и вводило бы въ соблазнъ: выяснились матеріальное и духовное убожество, отвратность социализма, спасающая сила Религіи. Въ историческихъ сбываніяхъ большевизмъ приходитъ къ отрицанію самого себя и въ немъ самомъ становится на очередь жизненное преодолѣніе социализма.

Мы знаемъ, что эпохи вулканическихъ сдвиговъ, эпохи обнаженія таинственныхъ, черныхъ глубинъ хаоса суть въ то же время эпохи милости и озаренія. Смирясь передъ революціей, какъ передъ стихійной катастрофой, прощая всѣ бѣдствія разгула ея неудержимыхъ силъ, — мы проклинаемъ лишь сознательно-злую ея волю, дерзновенно и кощунственно возставшую на Бога и Церковь. Только всенароднымъ покаяніемъ можетъ быть замолено грѣховное безуміе возстанія. Мы чувствуемъ, что тайна вдохновенной эпохи нашей раскрывается не только въ безбрежномъ разливѣ мистическихъ ощущеній, но и въ строгихъ формахъ Церковной жизни. Въмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ русскихъ людей, мы видимъ, какъ Церковь оживаетъ въ новой силѣ Благодати, вновь обрѣтаетъ пророческій языкъ мудрости и откровенія. „Эпоха науки“ снова смѣняется „эпохой вѣры,“ — не въ смыслѣ уничтоженія науки, но въ смыслѣ признанія без-

силія и кощунственности попытокъ разрѣшить научными средствами основныя, конечныя проблемы существованія.

Въ дѣлахъ мірскихъ настроеніе наше есть настроеніе націонализма. Но его мы не хотимъ заключать въ узкія рамки національнаго шовинизма. Болѣе того, мы думаемъ, что стихійный и творческій націонализмъ російскій, по самой природѣ своей, расторгаетъ и разрываетъ стѣснительныя для него рамки „национализмовъ“ западноевропейскаго масштаба; что даже въ этническомъ смыслѣ онъ плещетъ такъ же широко, какъ широко расплескались по лицу земному лѣса и степи Россіи. Въ этомъ смыслѣ мы опять-таки примыкаемъ къ „славянофильству“, которое говорило не только о русскомъ народѣ, но о „славянствѣ.“ Правда, передъ судомъ дѣйствительности понятіе „славянства“, какъ намъ кажется, не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя возлагало на него славянофильство. И свой націонализмъ мы обращаемъ, какъ къ субъекту, не только къ „славянамъ“, но къ цѣлому кругу народовъ „евразійскаго“ міра, между которыми народъ російскій занимаетъ срединное положеніе. Такое приобщеніе цѣлаго круга восточно-европейскихъ и азіатскихъ народовъ къ мыслимой сферѣ міровой культуры Россійской вытекаетъ, какъ намъ кажется, въ одинаковой мѣрѣ изъ сокровеннаго „средства душъ“, — дѣлающаго русскую культуру понятной и близкой этимъ народамъ и, обратно, опредѣляющаго плодотворность ихъ участія въ русскомъ дѣлѣ, — и изъ общности экономическаго интереса, изъ хозяйственной взаимообращенности этихъ народовъ. . .

Русскіе люди и люди народовъ „Россійскаго міра“ не суть ни европейцы, ни азіаты. Сливаясь съ родною и окружающею насъ стихіей культуры и жизни—мы не стыдимся признать себя—евразійцами.
